

ОБЪЕКТИВНОСТЬ И ЭТИКА В ПУБЛИКАЦИЯХ ПО ИСТОРИИ ГЕНЕТИКИ**И.А. Захаров-Гезехус**

Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова, Москва

e-mail: zakharov@vigg.ru

В 1948 г. все генетические исследования в СССР были прекращены. Генетики выбирали для себя одну из нескольких возможных линий поведения: либо ни с чем не соглашаться, «ошибок» не признавать и, как следствие, уйти из науки, либо признать «ошибки», но сохранить возможность работы в близких к генетике областях, обычно платя за это обязанностью включать в публикации и лекции дежурные фразы о «мичуринском учении». Нам, живущим в другую историческую эпоху, вряд ли следует строго судить тех, кто избрал для себя ту или другую линию поведения. Безусловного осуждения достойны лишь те, кто перешел в лагерь Т.Д. Лысенко, став в нем активным функционером (как, например, сотрудник вавиловского Института генетики, выполнивший тонкие исследования на дрозофиле, Н.И. Нуждин). Об этом приходится напоминать потому, что в некоторых публикациях до последнего времени продолжают попытки очернить ученых, много в дальнейшем сделавших для восстановления генетики.

Преследования генетики продолжались 30 лет. Шельмование науки переросло в идеологические и политические обвинения ученых, за этим естественно последовали репрессии, вплоть до физической расправы. Действующие лица этой драмы – я имею в виду ученых-генетиков – различались по возрасту, воспитанию, по идеологическим взглядам, человеческим качествам. Драма генетики разыгрывалась на фоне гораздо более масштабных и трагических событий: сначала «Большого террора» второй половины 1930-х годов, потом Великой Отечественной войны. Естественно, судьбы и поведение ученых в этих обстоятельствах были очень разными, и их невозможно разделить на две категории (по С.Э. Шнолю «герои и злодеи») (10) или даже на три («герои, конформисты, злодеи»), как сделал тот же автор во втором издании своей книги (11).

Приведу еще слова старого генетика П.К. Шкварникова, сказанные им в 1987 г., когда я с ним говорил о тех трех сотрудниках вавиловского Института генетики, которые перешли на службу к Т.Д. Лысенко. П.К. Шкварников сказал: «Первый – темный человек, второму – жить надо было, а третий (Н.И. Нуждин) – это подлая личность». Хорошая классификация лысенковцев, но тоже, вероятно, неполная.

За последние годы издано немало исследований, посвященных истории генетики (их достаточно полный список приложен к моей книге по истории генетики (4)). Появились книги и другого жанра: мемуары, написанные как видными учеными (они также есть в упомянутом списке), так и менее известными или совсем неизвестными авторами (2, 5, 6, 8).

Казалось бы, при таком количестве публикаций читатель может составить полную и точную картину того, что происходило в биологической науке в 1935–1965 гг. и позднее. Чтение этой литературы показывает, однако, что из ряда упомянутых книг читатель почерпнет далекие от объективности характеристики многих деятелей нашей генетики и соответственно искаженное описание обстановки в мире науки и происходящих в то время событий.

Ученые – люди со своими симпатиями и антипатиями. Очень часто отношения между учителем (руководителем) и учеником (сотрудником) складываются трудно. Не всем удастся при этом воздержаться от ссор, преследований и предательств. Все подобные коллизии оказываются так или иначе описанными в мемуарах. Авторам нелегко при этом удержаться от субъективных оценок, выражения антипатии, обвинений.

Надо отдать должное Н.Н. Зоз. Достаточно подробно описывая свой вынужденный уход из отдела И.А. Рапопорта, она не стала

порочить этого известного ученого (5). Противоположный пример – мемуары Т.С. Ростовцевой (6) и Р.Л. Берг (2), работавших в новосибирском Институте цитологии и генетики.

Обиды на директора института, Д.К. Беляева, подтолкнули их на то, чтобы давать ему злую и, очевидно, несправедливую характеристику («холуйство, невежество, служение режиму» – так пишет Р.Л. Берг о Д.К. Беляеве).

В конце концов, упомянутые книги – мемуары. Надо признать право авторов мемуаров описывать людей так, как они их воспринимали. Приходится только сожалеть, и книги Р.Л. Берг и Т.С. Ростовцевой тому пример, что для будущих историков науки останется весьма субъективное описание жизни больших научных коллективов и искаженные портреты видных ученых (одному из основных отрицательных персонажей мемуаров Р.Л. Берг, Д.К. Беляеву, посвящена недавно изданная книга воспоминаний многих его коллег и сотрудников, в том числе и тех, которые считались «обиженными» директором (3). Личность Беляева в этой книге предстает совсем в другом свете. К сожалению, о многих других сотрудниках ИЦиГ СО РАН 1960–1970-х годов произведения Р.Л. Берг и Т.С. Ростовцевой останутся единственными «свидетельствами»).

По-другому надо оценивать публикации, которые относятся не к мемуарному жанру, а претендуют на то, чтобы быть историко-научными исследованиями. В ряде недавно изданных подобных книг можно найти пассажи, которые показывают, что авторы стремятся не к истине, а сводят старые счеты или претендуют на то, чтобы быть одновременно и историками науки, и прокурорами. Наряду с этим появляются и просто мало квалифицированные публикации, в которых история предстает в «кривом зеркале».

Начну с примера последнего рода.

Некто А.Е. Степушин, зоотехник в хозяйстве «Горки Ленинские» в 1970-е годы, когда там продолжал работать Т.Д. Лысенко, не ограничился воспоминаниями о своем общении с академиком, а несколько глав посвятил истории гонений на генетику начиная с 1930-х годов (8). Книге предшествует предисловие академика Н.П. Дубинина (книга издана еще при жизни последнего), где говорится:

«Научный уровень повести А.Е. Степушина не оставляет сомнений... Повесть А.Е. Степушина дает богатую пищу для нравственных раздумий». По-видимому, с текстом книги Н.П. Дубинин внимательно не ознакомился. На стр. 87 содержится омерзительная клевета на одного из лучших учеников Н.И. Вавилова, блестящего селекционера и честного человека (фамилию здесь не называю, чтобы не тиражировать клевету). Он назван «лжесвидетелем» и «включен» в состав экспертной комиссии, которая давала заключение о деятельности Н.И. Вавилова после его ареста (состав комиссии многократно был опубликован, см., например, (9), стр. 444–445).

А.Е. Степушин далее пишет, что известный сотрудник НКВД С.Н. Шунденко, внедренный в ВИР, «по указанию Лысенко написал кандидатскую диссертацию» этому ученому (стр. 87)!

Приведенный пример, вероятнее всего, связан с глубоким невежеством автора. Нередко, однако, другая ситуация. Изданный в 2000 г. первый том избранных трудов Н.П. Дубинина предваряет «Очерк научной биографии академика Н.П. Дубинина», составленный А.П. Акифьевым и Л.Г. Дубининой (1). В этот очерк авторы включили (стр. 27) достаточно большой отрывок из выступления С.М. Гершензона в сентябре 1948 г., в котором тот заявил о «своем полном отречении от формальной генетики». Очевидная цель включения этого отрывка – по контрасту показать неколебимую принципиальность Н.П. Дубинина. Этот очерк был опубликован всего лишь через 2 года после смерти С.М. Гершензона – известного ученого, внесшего значительный вклад в науку.

Авторы не удержались от того, чтобы бросить комок грязи на свежую могилу крупного генетика. Не буду комментировать и сравнивать человеческие качества С.М. Гершензона и Н.П. Дубинина, но скажу, что Н.П. Дубинин – пролетарского происхождения, в детстве – беспризорник, в то время как С.М. Гершензон – сын буржуазного философа, в свое время раскритикованного В.И. Лениным, и Сергею Михайловичу действительно грозили более тяжкие преследования.

Описываемые события происходили всего лишь через 7 лет после расстрела

Г.Д. Карпеченко и смертного приговора Н.И. Вавилову. Как известно, репрессии продолжались и после войны, и в 1948 г. нельзя было предвидеть, обойдется ли осуждение генетики без последующих арестов сторонников этой буржуазной науки.

В.Н. Соيفер выпустил несколькими изданиями книгу «Власть и наука» (7), собрав в ней множество документов и материалов, которые, несомненно, интересны и поучительны. Не ограничиваясь рассмотрением отношений власти и науки, В.Н. Соифер принимает не подходящую для него роль общественного обвинителя и, например, следующим образом комментирует сообщаемые им факты, относящиеся ко времени сразу после 1948 г. – стр. 349: «... лобашевы, гайсиновичи и кривиские ловчили и пресмыкались»; стр. 350: «... правда жизни и прогресса заключалась лишь в том, что не все были алиханьянами». О С.И. Алиханяне он еще пишет: «... конечно, если он не фальсифицировал данные, как это он не раз делал позже» (стр. 349). Поясню: все названные – известные ученые, внесшие заметный вклад в нашу науку. М.Е. Лобашев и С.И. Алиханян, кроме того, сыграли особенно важную роль в восстановлении генетики в СССР начиная со второй половины 1950-х годов, то есть еще в период господства Т.Д. Лысенко и его сторонников.

С М.Е. Лобашевым судьба В.Н. Соифера, по-видимому, не сводила. Что же касается С.И. Алиханяна и А.С. Кривиского, то им он, очевидно, не может простить, что они не воспринимали его (в 1960–1970-е годы) как серьезного молодого ученого. Книги В.Н. Соифера тоже способны дать «богатую пищу для нравственных раздумий».

Литература

1. Акифьев А.П., Дубинина Л.Г. Очерк научной биографии академика Н.П. Дубинина // Н.П. Дубинин. Избр. труды. Т. 1. М.: Наука, 2000. С. 10–56.
2. Берг Р.Л. Суховей: Воспоминания генетика. 2-е изд. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 527 с.
3. Дмитрий Константинович Беляев: Книга воспоминаний / Отв. ред. В.К. Шумный, П.М. Бородин, А.Л. Маркель, С.В. Аргутинская. Новосибирск: Изд-во СО РАН, Филиал «Гео», 2002. 284 с. (Наука Сибири в лицах).
4. Захаров И.А. Генетика в XX веке. Очерки по истории. М.: Наука, 2003. 77 с.
5. Зоз Н.Н. Экзамен без шпаргалки. М.: Агроконсалт, 2003. 112 с.
6. Ростовцева Т.С. Путь в науку, или Называемая фамилии (воспоминания). Коломна. 2002. 79 с.
7. Соифер В.Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М.: Лазурь, 1993. 706 с.
8. Степушин А.Е. Лысенковщина глазами очевидца. М.: Колос, 1997. 232 с.
9. Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. Биографический очерк. Документы / Сост. Я.Г. Рокитянский, Ю.Н. Вавилов, В.А. Гончаров. 2-е изд. М.: Academia, 2000. 552 с.
10. Шноль С.Э. Герои и злодеи российской науки. М.: Крон-пресс, 1997. 464 с.
11. Шноль С.Э. Герои, злодеи, конформисты российской науки. М.: Крон-пресс, 2001. 874 с.